МГЭ – монгольский героический эпос
ОМБХ – «Орак билэн Мамай батыр хикаясы»

каз. – казахский
монг. – монгольский
наст. вр. – настоящее время

КОНСТАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭРГАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ

Тариева Лилия Увайсовна

*Ингушский госуниверситет (ИнгГУ),
доктор филологических наук
профессор, доцент кафедры русского языка*

Tarieva Liliya Uvaysovna

*Ingush State University,
senior lecturer of the Russian language Chair
tel.: 8 9380104416*

DOI: 10.31618/asj.2707-9864.2020.1.41.25

Аннотация. В статье обозначаются принципиальные положения функционирования эргативных языков, которые в корне отличают их от языков номинативной стратегии. Одним из таких доминантных признаков является парадигма лица, выявленная на материале нахского ингушского языка в ряде работ последних лет автора статьи. Лица парадигмы коррелируют с грамматическими знаками – тремя личными местоимениями первого лица единственного числа. Эгоцентрические составляющие парадигмы как глубинная семантическая категория соотносятся с антропоцентрическими знаками, исследованными в ряде работ автора статьи в качестве глубинной понятийной категории.

Annotation. The article denotes the basic principles of the functioning of the ergative languages which fundamentally distinguish them from the languages of the nominative strategy. One of these dominant features is the paradigm of the face, revealed on the material of the Nakh Ingush language in a number of works of the author of the article in recent years. Faces of the paradigm correlates with three personal pronouns of the first person singular. Egocentric components of the paradigm as a deep components correlate with anthropocentric signs, studied in a number of works of the author of the article as a deep conceptual category.

Ключевые слова: речевые лица, аффективные лица, эргатив, номинатив, аффектив, эгоцентрический, антропоцентрический.

Key words: vocal persons, affective persons, ergative, nominative, affective, egocentric, anthropocentric.

Исследователи эргативных языков и типологии предложения (А.М. Дирр, А.С. Чикобава, Г.А. Климов, А.Е. Кибрик, М.Е. Алексеев, Я.Г. Тестелец и др.), работавшие в рамках структурной (или генеративной) лингвистики, одним из основных критериев отграничения эргативных языков от номинативных считали богатство их именной морфологии.

Богатство именной морфологии языков эргативной стратегии с грамматической точки зрения отражается в падежной системе, например, нахского ингушского языка тремя ядерными падежами имени (номинативный *со* 'я'; эргативный *аз* 'я'; аффективный *сона* 'я'). На синтаксическом уровне три «номинативных» падежа эргативного языка реализуются в неоднозначной субъектно-объектной распределенности лиц в составе предложения, выдвигаемого в качестве базового. Понятие базового предложения в языках номинативного строя в корне отлично от понятия ядерного предложения эргативных языков.

А.Е. Кибрик, долгое время исследовавший эргативные языки, в качестве дифференциальных указывал на константные признаки языков различных стратегий [4]. Г.А. Климов называл стабильные признаки грамматически неродственных языков доминантными [5]. М.Е. Алексеев, исследовавший аффективную конструкцию предложения [1], вслед за Дирром, обозначал ее как знаковый признак эргативности.

Поиск доминантных свойств, различающих генетически неродственные языки, долгое время проводился в русле структурной лингвистики, или семиотического структурализма, который был ведущей научной парадигмой вплоть до конца XX века.

Блок знаний, методов, способов разрешения актуальных вопросов, выработанный в рамках структурной лингвистики, актуальной в прошлом столетии, не привел к разрешению такой знаковой проблемы как понятийное (семантическое) объяснение эргативности.

Синхронно дескриптивный структурализм начал уступать место антропоцентрическому аспекту исследования языковых стратегий, сориентированному на выявление человеческого фактора в языке, направленному на поиск человека в языке и «языка в человеке, т.е. «какой язык, такой и дух» [2; 13, с. 295-300].

Парадигмальная методология Т. Куна [6], примененная к описанию эргативных языков, на наш взгляд, способствует обнаружению семантической доминанты эргативности, состоящей из блока устойчивых признаков.

К **константным** признакам ингушского языка (и других эргативных языков), на наш взгляд, относятся:

1) **рефлексивный режим** интерпретации канонической речевой ситуации, вскрывающий парадигму из четырех эгоцентрических лиц,

расслоено (или шифтерно) представляющих категорию лица в эргативных языках [13, с. 5-7, 86, 98, 344];

2) **парадигма лица**, как семантическая категория, состоит из четырех эгоцентрических компонентов: лица Созерцающего, вскрывающего лицо Говорящее и лица Слышащего, обнаруживающего лицо Произносящее, функционирующих на различных уровнях структуры эргативного языка [12; 13, с. 340];

3) **два локутора**, т.е. два ответственных за высказывание речевых лица, размещенных в двух различных диахронически первичных лингвопрагматических ситуациях, противопоставленных локутору номинативных языков [10; 13, с. 339-340], располагающемуся в центре одной прототипической прагматической ситуации, как точке отсчета;

4) **два субъекта модуса**, т.е. два аффективных компонента, претендующих на статус первого лица (эгоцентрическое лицо Созерцающее, кореферентное Наблюдателю номинативных языков, и эгоцентрическое лицо Слышащее, индифферентное номинативным языкам в этой области знания) [12; 13, с. 15-16, 91, 122, 128];

5) **два фрейма интенциональности** аффективных лиц, в финали вскрывающих функцию речевых лиц [15; 16];

6) **четыре эгоцентрические функции лица** (две речевые и две аффективные), функционирующие в качестве лексического значения трех ядерных падежей имени [13, с. 289-290];

7) **понятийная категория постулированности-приобретенности**, являющаяся базовой для эргативного языка [13, с. 62, 193-196];

8) **две лингвопрагматические установки** (классическая: *Со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' и эргативная: *Укх аз а хланз* 'тут еще я в пространстве теперь') [10; 13, с. 74, 80], противопоставленные одной установке как точке отсчета номинативных языков (например, рус. *Я здесь сейчас*), достаточно хорошо изученной Дж. Лайонзем и Е.В. Падучевой [7; 9];

9) **бинарность первой лингвопрагматической установки** эргативных языков. Классическая, или номинативная прагматическая ситуация ингушского языка, в центре которой располагается эгоцентрическое лицо (маскулинно) Говорящее: *Со в а хланз* 'Я мужчина в пространстве теперь', противопоставлена в эргативном нахском языке прагматической установке, в которой закодировано лицо (фемининно) Говорящее: *Со й а хланз* 'Я женщина в пространстве теперь' [12; 13, с. 68, 75-76; 17];

10) **гендерные отношения** маскулинности / фемининности, прототипически вскрываемые в пределах первой прагматической установки **не** на основе биологического понимания пола, а на

основе акустического различия функции лица Произносящего [17, с. 397].

11) **полифункциональность речевого эгоцентрика** лица Произносящего, квалифицированного нами в качестве индифферентного номинативным языкам Актора, запускающего механизм функций антропоцентриков постулированной семантики [11], на поверхностном морфосинтаксическом уровне функционирующего в качестве эргатива, на глубинном – в качестве *саххета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа.

12) **три ядерных падежа** имени, выполняющие функцию подлежащего в составе предложения [13, с. 134-136, 300];

13) **три базовые структуры предложения**, обеспечивающие акт коммуникации в эргативном языке [13, с. 140];

14) **три антропоцентрика** (три *саг* 'homo'), как понятийная категория, отражающиеся морфосинтаксически в языковых знаках на поверхностном уровне [13, с. 289, 321, 327].

Парадигма лица как доминантный признак эргативных языков состоит из четырех эгоцентрических лиц, расслоено представленных: двух речевых (Говорящего, Произносящего) лиц и стоящих за их кадром двух аффективных (Созерцающего, Слышащего) лиц:

1) *Со (NOM) лув* 'Я говорю', т.е. артикулирую (чеч. *Со (NOM) лю*; бабб. *Со (NOM) лев*) и

2) *Аз (ERG) оал* 'Я произношу', т.е. акустически наполняя речение (чеч. *Ас (ERG) олу*; бабб. *Аса (ERG) альа*);

3) *Сона (AFF) гу, со (NOM) лув* 'Я вижу, что я говорю' (чеч. *Суна (AFF) го, со (NOM) лю*; бабб. *Сон (AFF) даго, со (NOM) лев*) и

4) *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал* 'Я слышу, что я произношу' (чеч. *Суна (AFF) хез, ас (ERG) олу*; бабб. *Сон (AFF) хацI, аса (ERG) альа*).

Обнаружение и ввод в общую теорию языковой личности компонентов парадигмы лица, свойственной языкам эргативного строя, вскрыл ряд проблем, знаковой из которых, на наш взгляд, является определение глубинных уровней. Антропоцентрический аспект представления компонентов парадигмы лица интерпретируется нами как глубинный **понятийный уровень**, кумулирующий в мышлении носителя эргативного языка нескольких *саг* 'homo', т.е. антропоцентриков постулированной семантики кряду (*хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека воспринимающего, *кхета саг* 'homo sapiens', т.е. человека разумеющего, *саххета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа: букв. *саххета саг* 'душойпроникающий человек'). На основе этих трех функций *саг* 'homo' постулированной семантики возникают антропоцентрики приобретенной семантики: *хов саг* 'homo sciens', т.е. человек знающий и *хета саг* 'homo presentans', т.е. человек представляющий [13, с. 269-275, 289, 294-297, 327].

**Понятийная категория:
антропоцентрики (*саг 'homo'*) постулированной
семантики**

<i>Кхета саг 'homo sapiens', т.е. человек разумный</i>	<i>Сакхета саг 'homo spiritus', т.е. человек -дух</i>	<i>Хоалу саг 'homo sentiens', т.е. человек воспринимающий</i>
--	---	---

Функция, введенных в обиход типологического исследования антропоцентриков (*саг 'homo'*), обнаруживается в акциональности, агентивности и волюнтаривности четырех эгоцентрических компонентов парадигмы лица, определенных нами в качестве категории **семантического уровня**.

Статус глубинного семантического уровня компонентам парадигмы лица нахского языка

**Семантическая категория:
эгоцентрики *йовхьамаш 'лица'***

Речевые лица	Аффективные лица
Лицо Говорящее как категориальное значение местоимения 1 лица ед.ч.	Лицо Произносящее как категориальное значение второго местоимения 1 лица ед.ч.
	Лицо Созерцающее (и / или лицо Слышащее) как категориальное значение третьего местоимения 1 лица ед.ч.

Понятийная категория не может быть представлена языковым знаком, если она не апробирована на семантическом уровне языка. Семантическое представление языковых единиц (трех личных местоимений первого лица ед.ч.) – это тот мостик, который связывает антропоцентрический знак (трех *саг 'homo'*) с лингвоцентрическим (тремя первыми падежами: *со 'я' (NOM), аз 'я' (ERG), сона 'я' (AFF)*).

Эгоцентрическое лицо Говорящее как пропозитивная информация отражается в лексическом значении личного местоимения первого лица единственного числа в номинативной форме имени (*со 'я'*). Лицо Произносящее откладывается в лексическом значении личного местоимения первого лица единственного числа эргативной формы имени (*аз 'я'*) [13, с. 303]. Эгоцентрики: лицо Созерцающее и лицо Слышащее представляются на грамматическом уровне в качестве личного местоимения первого

лица единственного числа в аффективной форме имени (*сона 'я'*), так как на глубинном уровне представляют одного антропоцентрика (*хоалу саг 'homo sentiens'*, т.е. человека воспринимающего), функционируя в качестве его операторов [13, с. 141-142].

Два глубинных уровня, первый из которых (понятийный) обнаруживает антропоцентриков, а второй (семантический) кумулирует эгоцентриков, лингвоцентрически связаны с тремя личными местоимениями первого лица единственного числа (*со 'я', аз 'я', сона 'я'*), представляющими **поверхностный языковой уровень эргативного языка**.

Лексический уровень (словарь эргативного языка содержит три местоимения первого лица единственного числа, обладающих лексическим значением в зависимости от релевантной эгоцентрической функции лица):

Со 'Я' – лицо Говорящее

Аз 'Я' – лицо
Произносящее

Сона 'Я' – лицо Созерцающее (и / или
Слышащее)

а) морфологический ярус демонстрирует три
Номинативный (*со 'я'*),

Эргативный (*аз 'я'*),

Аффективный (*сона 'я'*),

указывающие на богатство именной морфологии нахского ингушского языка;

б) соответственно морфологическому показателю: трем ядерным падежам имени,

представленным тремя личными местоимениями первого лица единственного числа, синтаксический уровень эргативного языка располагает тремя базовыми предложениями:

Номинативное предложение:

Со (NOM) дика кхет таржамах 'Я хорошо понимаю перевод'.

Эргативное

предложение:
Аз (ERG) дика язду 'Я хорошо пишу'.

Аффективное

предложение
Сона (AFF) хьо гу 'Я тебя вижу'; Сона (AFF) или хоз 'Я слышу песню'.

Лицо Говорящее «Со 'Я'», отражающееся на всех уровнях структуры языка, типично для языков различных стратегий. В номинативных и

эргативных языках лицо Говорящее представлено номинативной формой имени (пример 1).

В эргативном ингушском языке лицу

Говорящему противопоставлено полифункциональное лицо Произносящее [10, с. 98; 11; 13, с. 197-218, 204, 295-299, 302, 338], выступающее главным действующим лицом (пример 2) в эргативном языке и мире, совмещено с лицом Говорящим.

Исследователи эргативных языков: Е.А. Кирик, Г.А. Климов, Я.Г. Тестелец, М.Е. Алексеев вслед за А.М. Дирром выделяют три основных модели предложения (номинативную, эргативную, афферентивную) [3; 1; 4-5; 19], сильно зависящие в нахском языке от функции трех лиц парадигмы постулированной семантики. А.С. Чикобава также выделял в иберийско-кавказских языках в первую очередь номинативную, эргативную и дативную конструкции [21, с. 214]. Генеративная грамматика эргативных языков учитывает и единицы приобретенной семантики: локативные и посессивные конструкции, возникающие на основе функции лиц парадигмы постулированной семантики.

Лицо Созерцающее и лицо Слышащее на поверхностном (морфологическом) уровне представлены личным местоимением первого лица в афферентивной форме имени, на коммуникативном уровне выполняют функцию субъекта модуса [13, с. 142-143]:

5) *Сона гу* 'Я вижу' (т.е. обладаю способностью видеть).

6) *Сона хоз* 'Я слышу' (т.е. обладаю способностью слышать).

Специфика функционирования личных местоимений первого лица единственного числа эргативных языков заключается в том, что они не просто обладают лексическим значением: категориальное значение трех лексем (*со*, *аз*, *сона*) равно полнозначному предложению (*со* 'я' = лицо Говорящее, т.е. «лицо» и «говорит»; *аз* 'я' = лицо Произносящее, т.е. «лицо» и «произносит»; *сона* 'я' = лицо Созерцающее, т.е. «лицо» и «созерцает и / или слышит»).

Равенство лексического значения местоименных существительных полноценному предложению отличает диахронически значимый пласт исконных лексем — местоименных существительных (*со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я'), от семантики других именных групп квантитативно и кваликативно, и этот наиболее древний пласт первичных слов должен быть глубоко изучен в каждом эргативном языке с точки зрения различных измерений языковых знаков и фактов.

Релевантные функции эгоцентрических лиц (видение говорения и слышание произношения) осознаются эргативным мышлением как данные лицу априори (постулированные), как наличная база (бессознательно запускаемая) они первыми подвергаются категоризации в языке.

Речевые лица обнаруживаются афферентивными лицами в их прототипической функции [10; 12; 13]. Функция афферентивных лиц, если использовать меткое выражение М. К. Мамардашвили, «выворачивает внутреннее» и «овнутряет внешнее» [8, с. 290-292]. Выворачивание внутреннего согласуется с фреймом интенциональности афферентивного лица, интенция которого «изошла» в объективную действительность за дискретно осваиваемой информацией (в нашем случае — за видеокadreм «лицо Говорящее»), овнутрение же внешнего согласуется с экспериенциальной частью этого же фрейма, доставляющего пропозитивную информацию в континуум перцептивного мышления [15; 16] носителя эргативного языка.

Когнитивно значимой является эксплицитная функция речевых лиц: Говорящего и Произносящего и имплицитная мыслительная функция афферентивных лиц: Созерцающего и Слышащего. Функции лица, обнаруживаются как принадлежащие одному реальному речедателю, проявляющему функционально разнородную активность (агентивность) лица в акте коммуникации. Афферентивные эгоцентрики, распознающие речевые лица парадигмы — это то основание, которое обуславливает расслоенное (шифтерное) представление категории лица в нахском ингушском языке (наряду с другими эргативными языками).

Четыре эгоцентрических компонента парадигмы, представляющие различные **релевантные** функции лица, встраиваются в семантическую структуру глаголов различных корпусов (прежде всего номинативных, эргативных, афферентивных) эргативных языков, активно исполняя глагольное действие (состояние, процесс) и претендуя на ранг первого лица и субъектно-подлежащую позицию в составе предложения. Релевантность эгоцентриков (т.е. лиц парадигмы) заключается в том, что они представляют трех антропоцентриков (т.е. три понятийные категории).

Язык реализуется в речи. Речевой акт прагматичен. Наличие лица Говорящего в центре прагматической ситуации делает ее лингвопрагматической. Для языков эргативного строя характерны не одна, а две **прототипические** лингвопрагматические установки (классическая инг. *со ва хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' и эргативная инг. *у кх аз а хланз* 'тут еще я в пространстве теперь'), противопоставленные одной прагматической ситуации номинативных языков (рус. *я здесь сейчас*). Обе установки нахского ингушского языка кодируют разное речевое лицо (Говорящее, Произносящее), за кадром каждого из которых всегда возникает свое афферентивное лицо (Созерцающее, Слышащее), в своей установке [10; 12]:

На **гендерном** уровне понятие маскулинность-фемининность в ингушском языке прототипически обнаруживается в бинарной классической прагматической ситуации (*со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' vs. *со й а хланз* 'я женщина в пространстве теперь') безотносительно к биологическому пониманию пола, но на основе разницы в произносительной функции лица (*в* – 'мужчина по произношению' и *й* – 'женщина по произношению') [17, с. 399]. Произносительная функция лица (лицо Произносящее), неоднозначная по гендерному признаку, когнитивно маркируется в качестве **постулированной**, так как вскрывается в классической прагматической ситуации ингушского языка (инг. *со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' vs. *со й а хланз* 'я женщина в пространстве теперь') как данная априори, а не моделируется в ней эвиденциально [17, с. 398].

Биологическое понимание пола появляется с обозначением в языке понятия *вълара шод* 'узла рождения', связанного с понятием *эргавалар* 'обновления через изменение' и мыслится как **приобретенная** в прагматической ситуации *укхаза хланз* 'здесь и сейчас' (чеч. *кхуза хлинц* 'здесь сейчас', бацб. *окхус инцл*) *цлонг йоацача наьха* 'беспупковыми людьми' функция.

Дейктическое наречие места *укхаза* 'здесь' и глагол бытия *ва* 'есть, существую м.р.' (чеч. *кхуза* 'здесь' и *ву* 'есть, нахожусь м.р.', бац. *окхус* 'он, этот' и *ва* 'есть, существую м.р.'), функциональные для современного ингушского словаря, исторически сложились из двух лингвопрагматических установок. Наречие *укхаза* 'здесь' прототипически обозначало эргативную прагматическую ситуацию (инг. *укхаза* 'здесь' = у 'тут', *кх* 'еще', *аз* 'я', *а* 'в пространстве', *хланз* 'теперь'). Когда ингушский язык был синтетического строя, эта лексема (совр. инг. наречие *укхаза* 'здесь'), представляла собой естественное для этого строя слово-предложение, в котором не было привычных для современного нахского языка субъектно-объектных отношений и частеречной отнесенности слов. Экстрадиция такого рода фрагмента (блока-мысли) синтетического прошлого ингушского языка, как *укхаза* 'здесь' (инг. *укхаза* 'здесь' = у 'тут', *кх* 'еще', *аз* 'я', *а* 'в пространстве'), *хланз* 'теперь' в современный ингушский язык и его сохранение в нем связано с неизменяемостью фрагментов его составляющих [18, с. 35-37]. В других нахских языках этот отрезок редуцированный (сравните: чеч. *кхуза* 'здесь' и бацб. *окхус* 'здесь').

Глагол бытия ингушского языка *ва* 'есть, существую м.р.' сложился из классической

лингвопрагматической ситуации (инг. *со в а* 'мужчина в пространстве' vs. *со й а* 'женщина в пространстве'), временной параметр которой (*хланз* 'теперь') добавился (или отделился?) как автономное слово, вслед за локативным [10; 12; 13, с. 65-115]. Уникальность двух композитных словарных единиц (инг. *укхаза* 'здесь' и *ва* 'есть, существую муж. р.') современного ингушского языка заключается в том, что доказательная база их исконности присутствует синхронно в ингушском словаре в качестве самостоятельно функционирующих неизменяемых лексем: *ва* = *в* 'мужчина по произношению', т.е. *в* 'показатель муж. произношения' и *а* 'пространство, в пространстве' (сравните: *е цлагла вац*, *е а вац* 'ни в доме, ни в пространстве' – о нерадивом мужчине). Грамматическая неизменяемость составляющих первых прагматических установок ингушского языка (*укхаза* и *ва* (*йа*)), функциональных как точек отсчета в его бытность синтетического строя, обусловила их историческую сохранность в первозданном, нередуцированном виде.

Другим важным параметром измерения компонентов парадигмы лица нахского языка является функционирование базовой понятийной категории «постулированности / приобретенности» [13, с. 194]. Парадигма лица нахских языков накапливает четыре эгоцентрика **постулированной** семантики. Постулированными лица парадигмы (Созерцающее, Говорящее, Слышащее, Произносящее) признаются эргативным ингушским мышлением в силу того, что лица-локуторы (речевые эгоцентрики) **обнаруживаются** в дистинкции собственного *со* 'эго' и *аз* 'эго' как готовый к запуску механизм аффективными эгоцентриками, стоящими за кадром речевых лиц [10, с. 83-84, 97-99], а не моделируются эвиденциально в прагматической ситуации *укхаза хланз* 'здесь и сейчас'.

Запуск механизма функции компонентов парадигмы постулированной семантики (четырех эгоцентриков), представляющих релевантные функции лица речедеятеля (созерцание речения и слышание произношения), есть основание для генерации функций лица **приобретенной** семантики [13, с. 55, 62]. На пустом месте возникнуть локативное лицо, например, не может. Для генерации локативной функции лица, необходимо прототипическое основание, т.е. функция лица постулированной семантики. Сравните конструкции:

7) *Аз* (ERG) *оал* 'Я произношу' (т.е. обладаю способностью априори) и:

8) *Coğa* (ЛОК) *oalalu* 'У меня получается произнести' (букв. *coğa* 'мне' *oal* 'произношу, а' в пространстве', *lu* 'дают').

Свойство глагола *oalalu* 'получается произнести' возникает на основе онтогенетической функции лица Произносящего (*az oal* 'я произношу') посредством суффиксоида *lu* 'получаю, дают', коррелирующего с автономным эргативным глаголом *lu* 'даю'. Такого рода фрагмент генеративной грамматики, связанный с каузативной функцией лица Произносящего, указывает на приобретенность функции локатива, очевидно засвидетельствованной в прагматической ситуации *ukħaza xlanz* 'здесь и сейчас'.

Перекладывание функций лица Произносящего в область акциональности локатива представляет собой специфическую для нахского ингушского языка форму транспонирующей каузации (вызывание к жизни через перекладывание свойств), фреймово организованной [13, с. 240-241].

Четыре эгоцентрика, представляющих парадигму лица эргативных языков, могут быть истолкованы как активные (агентивные). Динамичность эгоцентрических лиц парадигмы разнородна, так как механизм их запуска базируется на гетерогенных онтогенетических функциях лица (видении, говорении, слышании, произнесении), обуславливающих богатство именной морфологии эргативных языков в целом.

Лица парадигмы, исследуемые в направлении от смысла к тексту и от текста к смыслу в целях семантического объяснения сущности эргативности в этой области знания, вскрываются в

рефлексивном режиме интерпретации канонической речевой ситуации. Рефлексивный режим интерпретации, противопоставленный диалогическому режиму истолкования канонической речевой ситуации, введен в теорию речевой деятельности эргативных нахских языков в дистинкции собственного *so* 'эго' [13, с. 5-6, 46-49, 64-65, 344].

Таким образом: одним из основных константных признаков языков эргативного строя является парадигма лица, состоящая в ингушском языке из четырех эгоцентриков. Самой сильной характеристикой компонентов парадигмы лица эргативного нахского языка является их акциональность: деятельность первого речевого лица Говорящего активирует функцию лица Созерцающего, способного наблюдать артикуляцию лица, индифферентно функции лица Слышащего. Акциональность второго речевого лица Произносящего прототипически запускает механизм лица Слышащего, распознающего разнородную функцию голосовых связей, безотносительно к артикуляции лица.

Гетерогенная активность функций такого релевантного антропоцентрического фактора, как лицо речедеятеля, в процессе категоризации его функций грамматически отражается агентивностью именного компонента предикативного центра (примеры 1-2, 5-6) в пределах речевого акта – акта коммуникации. Акциональность (деятельность) субъекта возникает на основе запуска механизма гетерогенной активности речевых функций лица, связанных с языком и мышлением:

Глубинный уровень		Поверхностный уровень	
Понятийная категория	Семантическая категория	Лингвоцентрическая категория: грамматический уровень	
Антропоцентрический уровень	Эгоцентрический уровень	Морфологический показатель	Синтаксический уровень
<i>Kħeta saġ</i> 'homo sapiens', т.е. человека разумный	Лицо Говорящее как лексич. значение местоимения 1 лица ед.ч. (<i>so</i> 'я')	<i>So</i> 'я' – номинативный падеж имени	Номинативное предложение: <i>So sixa luv</i> 'Я быстро говорю'
<i>Sakħeta saġ</i> 'homo spiritus', т.е. человека - дух	Лицо Произносящее – как лексич. значение местоимения 1 лица ед.ч. (<i>az</i> 'я')	<i>Az</i> 'я' – эргативный падеж имени	Эргативное предложение: <i>Az daġa oal</i> 'Я отцу говорю (т.е. произношу)
<i>Hoalu saġ</i> 'homo sentiens', т.е. человек воспринимающий	Лицо Созерцающее (и / или лицо Слышащее) – это лексическое значение местоимения 1 лица ед.ч. (<i>sona</i> 'я')	<i>Sona</i> 'я' – аффективный падеж	Аффективное предложение: <i>Sona ġaġnara ġu</i> 'Я вижу издалека'.

Самой динамичной константой следует признать акциональность лица Произносящего в силу его полифункциональности, поэтому оно и квалифицируется нами в качестве Актора в коммуникативном пространстве речевых актов нахского ингушского языка (наряду с другими эргативными языками), выдвигающих не одно, а

сразу три предложения в качестве ядерных. А.С. Чикобава отмечал, что эргатив, укоренившийся в лингвистике благодаря А. Дирру, в грузинском называется *motxrobiti*, т.е. нарратив по латински и немецки, а в русской языковедческой традиции для обозначения эргатива употреблялся термин «активный падеж» [21, с. 147]. Оба термина, на наш

взгляд, в совокупности верно передают сущность этого имени: эгоцентрик лицо Произносящее, представленное в нахском языке эргативной формой имени, узурпирует всю каузативную (читай активную) систему ингушского языка [13, с. 218], генерируя нарратив.

Константные признаки эргативного ингушского и других нахских языков не во всем совпадают. В нахском чеченском языке, например, в качестве базовых обозначаются два ядерных падежа имени и соответственно выдвигаются два базовых предложения в акте коммуникации [20, с. 105-110]. В бацбийском языке (исторически в языке одного из ингушских сообществ: Боацой//Бацой), например, первая установка совпадает с ингушской (8 и 9 параметры константных признаков). Вторая эргативная прагматическая установка бацбийского языка, кодирующая не локутора (8 параметр), сильно редуцирована тем, что представляет третье лицо *о* 'он, этот' (бацб. *окхус* 'он еще здесь'), а не первое, как в ингушском и чеченском.

Эргативное мышление носителя ингушского языка, базирующееся на четырнадцати константах, интересно тем, что отражает на различных уровнях структуры своего языка локализацию лица Говорящего (наряду с лицом Произносящим) в пространственно-временной действительности (см. восьмой и девятый параметры доминантных признаков эргативных языков), представленной в его естественных, а не реконструированных лингвопрагматических установках.

Наиболее полно и в неизменном, нередуцированном виде константные семантические признаки (**14 констант, или доминант**), объясняющие, на наш взгляд, суть эргативности, не случайно обнаруживаются именно в ингушском языке. В другом нахском языке они и не могли быть вскрыты, так как прототипические базовые принципы, объясняющие эргативность, в *origo*, т.е. в начальном первозданном виде функционируют только в ингушском нахском языке. Вскрытие функционирования нередуцированных доминантных признаков эргативности именно в ингушском языке, синхронно сохранившем на различных уровнях структуры фрагменты своего синтетического прошлого, и является непреложным основанием для квалификации ингушского языка в качестве языка-основы нахской группы языков. Соответственно и диалекты (наречия) нахских языков следует исследовать, исходя из этого статуса ингушского языка, чтобы носители нахского мышления могли логически верно обосновать реальную языковую картину своего мировоззрения в ее развитии от диахронии к синхронии в целях собственной идентификации не только по гаплогруппе.

Апробация константных (доминантных) признаков эргативного ингушского языка на материале других эргативных языков может вскрыть релевантные семантические и / или понятийные нюансы функционирования языков эргативной стратегии.

Литература

1. Алексеев М.Е. Проблема аффективной конструкции предложения. – Автореф. дис. ... канд. филол. – М., 1975.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984/2001. – 400 с.
3. Дирр А.М. Рутульский язык. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1911; Вып. 42.
4. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. – Санкт-Петербург. Изд. «Алетейя», 2005. – 720 с.
5. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. 2 -ое изд. – М.: Книжный дом «Либроком». 2009. – 226 с.
6. Кун Т. Структура научных революций / С вводной статьей и дополнениями 1969. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
7. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
8. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». – Тбилиси, 1996 (переиздана в СПб. в 1997). Изд. Русского Христианского гуманитарного института. – Нева, 1997.
9. Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции // ДИАЛОГ. – М., Изд-во РГГУ, 2006. – С. 403-413.
10. Тариева Л.У. Размещение лица Говорящего в классической лингвопрагматической ситуации // Успехи современной науки. Том 3, № 3, 2017. – С. 81-85; 96-100.
11. Тариева Л.У. К вопросу о лексическом каузативе в эргативном ингушском языке // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. – С. 119 -122.
12. Тариева Л.У. Лица парадигмы с глубинной и поверхностной точки зрения // XXXII Международная научная конференции «Эффективные исследования современности ЕНО», № 10 (32), 2017. – С. 136-146.
13. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. Назрань. ООО «КЕП». 2017. – 376 с.
14. Тариева Л.У. Синтактика и модальная функция лица Созерцающего // Scientific light VOL. 1, № 4, 2017. Wroslaw, Poland. – С. 64-67.
15. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Созерцающего // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). №8. Том 3. – М.: Наука, 2014. – С. 197-202.
16. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Слышащего // Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. – Астрахань. 2014. № 4 (52). – С. 24-27.
17. Тариева Л.У. Вербальная презентация прототипического гендерного признака в нахском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 6. – С. 395-399.

18. Тариева Л.У. Генерация союзного слова синтетического типа, объединяющего части гипотаксиса эргативного языка // *Annali d'Italia 'Научный журнал Италии'*, Italy. – Florence, **2020**. № 5, VOL. 2. – С. 33-38.

19. Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М.: Восточная

литература, 2003. – 78 с.

20. Халидов А.И. Основания выделения базисных и ядерных структур предложения // *Вестник АН ЧР*. 2015. № 4 (29). – Грозный, АН ЧР, 2015. – С. 103–112.

21. Чикобава А.С. Введение в иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси: изд-во «Универсал». 2010. – 343 с.